

*Игумен Серапион (Митько А. Е.)**

МИССИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

Миссия является важным фактором формирования геополитического пространства. На примере исторических событий XVI–XIX вв. в данной статье показана роль православной миссии в расширении территории Российского государства. Освоение Западной Сибири рассматривается как расширение северного и южного рубежей, отмечаются церковно-канонические аспекты осознания России себя как северной державы. Анализ же современной ситуации указывает на стабильные взаимосвязи миссии и геополитики.

Ключевые слова: Миссия, миссионерское служение, геополитика, освоение Севера, Сибири и Дальнего Востока, история Российского государства.

Hegumen Serapion (Mitco A. E.)

MISSION AND GEOPOLITICS

The mission is an important factor in the formation of geopolitical space. On the example of historical events of the XVI–XIX centuries, this article shows the role of the Orthodox mission in expanding the territory of the Russian state. The development of Western Siberia is seen as an expansion of the co-operative and southern boundaries, and church-canonical aspects of Russia's awareness of itself as a northern power are noted. Analysis of the current situation indicates a stable relationship between the mission and geopolitics.

Keywords: Mission, missionary activity, geopolitics, development of the North, Siberia and the Far East, the history of the Russian state.

Завершая свое земное служение, Господь наш Иисус Христос заповедовал апостолам: «Идите и научите все народы» (Мф. 28: 19) (здесь и далее цитаты даны по Синодальному переводу). С тех пор апостольское служение становится основанием и источником всех остальных церковных служений. Сама Церковь в Никео-Цареградском Символе веры именуется Апостольской, что указывает на особое достоинство миссионерского служения как выражения

* Игумен Серапион (Митько Август Евгеньевич), заместитель председателя Синодального миссионерского отдела РПЦ МП, кандидат философских наук; serapion@list.ru

природы Церкви. Веруя в апостольскую природу Церкви, христианин тем самым провозглашает миссионерское служение предметом своей веры. Отношение православного христианина к миссии есть вопрос веры и ее выражения в добрых делах, важнейшим из которых является приведение всякого человека к спасению во Христе. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16).

Таким образом, миссионерское служение непосредственно укоренено в самой сущности Церкви, которая «сотворена <...> прежде всего, и для нее сотворен мир» [10, с. 225], однако именно это служение в наибольшей степени обращено к миру, направлено на его воцерковление и спасение. Миссия превращает мир в Церковь, направляя его историю к исполнению времен. На этом пути Церковь преображает мир, который меняется проходя разные ступени воцерковления. Историческое время открывает нашему видению промежуточные плоды этого преображения в виде обращения народов и создания христианских государств. Иногда процессы евангелизации и трансформации исторического пространства развиваются синхронно на протяжении многих столетий. Так миссия оказывается неразрывно связана с геополитикой.

Можно привести множество примеров в доказательство данного тезиса. Римская Империя, ставшая христианской, и новые христианские государства, включая нашу державу история древних государств и Нового Света. В нашей статье мы рассмотрим прежде всего примеры взаимосвязи миссии и геополитики, относящиеся к истории нашей страны, особенно те, которые сохраняются и поныне, демонстрируя устойчивый характер процессов.

Российское государство в том виде, в котором оно существует последнее тысячелетие, возникает благодаря выбору святого равноапостольного князя Владимира и апостольскими трудами византийских и болгарских миссионеров. Расширение пределов Российского государства сопровождается проповедью Православия на новых землях, а иногда и предваряется ею. Многие народы обращаются к Православию трудами миссионеров и благодаря этому осознают себя частью единой цивилизационной общности. Зачастую присоединение новых территорий и их освоение было сопряжено с насилием и сопровождалось эксплуатацией. Главной целью первопроходцев становилась пушнина, бывшая в то время главным источником материального благосостояния Российского государства. Отношение к Сибири как источнику материальных благ пережило историю ее освоения. Однако вновь основанные территории не стали колонией России, а органически вошли в ее состав. Во многом это было заслугой православных миссионеров, которых влекло не желание приобретения материальных благ, но стремление к спасению душ ее обитателей. Православные миссионеры относились к коренным обитателям Сибири как к величайшему сокровищу, которое необходимо приобрести для Царства Небесного. В желании другому спасения и вечной жизни открывается во всей полноте евангельская заповедь «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7: 12). Православная миссия устанавливает фундамент великой державы на прочном и наивысшем нравственном основании — принципах евангельской этики.

Не только в духовном, но и в практическом отношении обнаруживается связь между православной миссией и геополитикой, примером тому является деятельность святителя Иннокения Московского. В бытность его архиереем на Дальнем Востоке святитель Иннокентий — образец православного миссионера — вносит свой зримый вклад в сохранение территориальной целостности Российской Империи и расширение ее пределов. Во время Крымской войны успешная защита дальневосточных рубежей России стала во многом возможна благодаря деятельному участию святителя в планировании и организации оборонительных мер на Камчатке и побережье Охотского моря. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что краху планов по оккупации Дальнего Востока Россия обязана исключительно святителю Иннокентию. Однако несомненно его сознательное участие в подготовке победоносной обороны этого региона. Еще более важна роль святителя в присоединении Приамурья и Приморья.

Продвижение России на Дальний Восток было связано с деятельностью графа Н. Н. Муравьева-Амурского, трудившегося в тесном сотрудничестве со святителем Иннокентием. Присоединение Приамурья осуществлялось во многом без постоянных консультаций с правительством в Санкт-Петербурге, что было невозможно на том уровне развития средств связи. Переговоры с китайским правительством и предшествовавшее этому явочное освоение региона русскими переселенцами требовало не только принятия важных оперативных решений, но и принятия на себя всей полноты ответственности за данные решения и их возможные последствия. Несомненно, что столь ответственные действия были сопряжены с большим риском и требовали особого мужества, поэтому рядом с сибирским генерал-губернатором был святитель Иннокентий, принимавший деятельное участие в подготовке Айгунского договора 1858 г., в соответствии с которым Российская Империя приобрела Приамурье. Еще ранее, в 1856 г. был основан г. Благовещенск, названный в память об иркутском храме, где святитель Иннокентий проходил свое пастырское служение до отправления в миссию. Присоединение к Российской Империи Приамурья и Приморья меняет геополитический облик Дальнего Востока и тихоокеанского региона. Это было совершено при самом деятельном участии святителя Иннокентия. В данном случае геополитические преобразования осуществлялись именно в миссиональном контексте, определившем контуры этих изменений [8, с. 127–152].

Во второй половине XIX в. Российское государство уже сложилось как великая держава. Дальневосточные приобретения лишь упрочили ее положение, а освоение Приамурья и приморья вовсе не сопровождалось выдающимися миссионерскими успехами. Скорее можно говорить об участии Церкви, в лице святителя Иннокентия, в государственном строительстве, роли церковного разума в принятии правильных геополитических решений. Многие были связаны именно с личностными особенностями как святителя Иннокентия, так и графа Н. Н. Муравьева-Амурского. Этот пример очень показателен, однако явно недостаточен. Для подтверждения связи миссии и геополитики необходимы другие примеры. Они должны показать, во-первых, решающее значение миссионерского служения для формирования геополитического пространства, а во-вторых, историческую устойчивость этой взаимосвязи.

Иначе говоря, был ли в истории период, когда на определенной территории благодаря деятельности миссионеров решаются значимые для становления государства проблемы геополитики, сохраняющие актуальность на протяжении длительного времени, вплоть до современности. Таких примеров несколько, но в данной статье мы ограничимся лишь одним.

Историческая наука не знает сослагательного наклонения, но это вовсе не означает, что определенное течение событий прошлого predeterminedо будущим, в т. ч. и потому, что будущее само становится прошлым. В истории нашей страны можно выделить несколько рубежей, успешный переход которых сделал Россию такой, какая она есть ныне. Однако на каждом из этих рубежей наш народ решал трудные проблемы, многие из которых несли в себе иной сценарий исторического развития. Воспринимая Россию в ныне существующих границах как великую евразийскую сверхдержаву, мы должны помнить, что такое геополитическое будущее вовсе не являлось predeterminedным. Евразийское пространство могло иметь совсем другие геополитические очертания. Российская держава могла и не состояться в своем нынешнем виде, если бы определенные геополитические проблемы не были решены в XVI–XVIII вв.

Распространение пределов Российского государства на Восток в значительной степени было связано с геополитическим реформативизмом наследия Золотой Орды и ряда других государств — наследников Империи Чингисхана. Вместе с тем Россия была не единственным претендентом на монгольское наследие, существовали и другие. Во-первых, это Крымское ханство и стоящая за ним Османская империя. Во-вторых, центральноазиатские ханства, активно осуществляющие свою экспансию на Север.

Походы Ермака и последовавшее за этим покорение Сибири можно рассматривать под разными углами зрения. Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что Ермак осуществил завоевание Сибирского ханства [3; 12; 13]. Это верно лишь отчасти. Подобно тому как взятие Казани в 1552 г. не было уникальным событием, таковым не было и покорение Сибирского ханства к 1598 г. Еще до окончательного присоединения к Российскому государству казанские ханы неоднократно признавали свое зависимое положение по отношению к Москве. Ликвидация Казанского ханства была связана не с желанием расширения территории, а с необходимостью противостояния политике «крымской партии» и связанной с ней опасностью интеграции осколков Золотой Орды под османским суверенитетом. Кульминация этого противостояния знаменуется русской победой в битве при Молодах 1572 г. [2, с. 59–68; 6, с. 166–183; 7, с. 259–275].

История взаимоотношений Сибирского ханства и его непосредственных предшественников на территории Западной Сибири наполнена множеством значимых событий. Сохраняя в рамках Золотой Орды значительную автономию, Сибирское ханство постепенно эволюционировало по пути формирования отдельного государства, опирающегося не только на татар, но и на широкие слои коренных обитателей Западной Сибири. Степень интеграции хантов, мансеев и селькупов в это государственное образование была различной, однако очевидно, что Сибирское ханство развивалось в направлении преодоления ордынского наследия и формирования государственности на местной

основе. Этому несомненно способствовало наличие местной нечингизидской династии Тайбугинов, ведущей ожесточенную борьбу за власть в Западной Сибири с потомками Чингисхана Шейбанидами. Тюменский хан Ибак, представляющий динстию Шейбанидов, вел активную борьбу за трон Большой Орды. Ситуация меняется после 1480 г., ознаменованного стоянием на Угре и завершением зависимости Московского государства от Орды. В конце XV в. Томенское ханство Шейбанидов было завоевано Тайбугинами и вошло в состав новообразованного Сибирского ханства.

Вскоре после покорения Казани, в 1555 г., сибирский хан Едигер признал вассальную зависимость от Москвы и начал выплачивать дань. Таким образом, в середине XVI в., еще до похода Ермака, Сибирское ханство мирным путем переходит под суверенитет Российского государства. Этому во многом способствовало стремление Тайбугинов окончательно утвердиться в статусе законных ханов в Сибири. Это было невозможно в рамках ордынского геополитического пространства, поскольку титулом хана могли обладать лишь прямые потомки Чингисхана. С точки зрения чингизидов, сибирские ханы были узурпаторами, поэтому Тайбугины обращают свой взор к Москве. За этим стоит не только политическая выгода отдельно взятой династии, но и стремление народов Западной Сибири к интеграции с Российским государством в едином геополитическом пространстве. Альтернативой этому было включение в центральноазиатское геополитическое пространство, активно интегрируемое Чингизидами. Сегодня мы воспринимаем Сибирь как естественное продолжение России на Восток, однако в XVI в. реально существовала другая возможность — Сибирь могла стать северной провинцией Средней Азии.

Реализация данного сценария стала возможной после захвата власти в Сибирском ханстве Кучумом в 1563 г. Кучум был внуком хана Ибака и, соответственно, чингизидом. С ордынской точки зрения воцарение Кучума было актом восстановления законной власти, однако некоторое время Сибирское ханство продолжало нерегулярно выплачивать дань Москве. Ситуация изменилась в 1572 г., когда Кучум после крымского похода на Москву 1571 г. не только разорвал отношения с Российским государством, но и начал совершать захватнические походы в его пределы. Другой стороной политики Кучума была активная исламизация региона, сопровождающаяся обращением представителей коренных народов Сибири. В этом отношении исламская миссия в Западной Сибири исторически предшествовала православной, являясь важным инструментом интеграции региона в центральноазиатское геополитическое пространство с исламской доминантой. В случае успеха этого проекта продвижение России на восток стало бы проблематичным, а исламский мир охватил бы огромные пространства вплоть до Арктики. Называя Кучума сибирским ханом, мы должны помнить, что это всего лишь титул. Сам Кучум имел очень отдаленное отношение к Сибири, являясь, скорее, всего уроженцем Каракалпакии. Таким образом, русскому «покорению Сибири», предшествовало ее завоевание со стороны среднеазиатских государств. Следует также помнить, что завоеванная Кучумом территория находилась под суверенитетом Российского государства.

Окончательное присоединение Западной Сибири в 1582–1598 гг. открывает не только эпоху ее освоения русскими, но знаменует начало православной миссии. Ее успехи в обращении коренного населения были значительными, однако вплоть до первой половины XVIII в. исламские миссионеры составляли значительную конкуренцию православным. Здесь показателна деятельность святителя Филофея Лещинского, не только обращавшего в Православие хантов, но и противостоящего попыткам исламских миссионеров утвердиться в регионе. Опасность со стороны юга сохранялась до второй половины XIX в. и была преодолена лишь после присоединения к Российской Империи среднеазиатских ханств [11, с. 149–160].

В советский период промышленное освоение Западной Сибири сопровождалось значительными миграциями населения. При этом в числе переселенцев большой удельный вес занимали представители «мусульманских» республик СССР. С 90-х гг. XX в. началось возрождение ислама в регионе, сопровождающееся его радикализацией. В настоящее время среди мусульманского духовенства Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов преобладают представители традиционного ислама. Это стало результатом многолетней совместной работы государственных и правоохранительных органов, однако угроза экспансии со стороны религиозных экстремистов продолжает сохраняться.

Исходя из вышеизложенного можно с достаточными основаниями утверждать наличие прямой связи между православной миссией и геополитическими процессами в Западной Сибири в рассматриваемый период истории. Миссионерское служение не только способствовало освоению Сибири, но и было значимым фактором геополитики. Христианизация региона не только являлась альтернативой его исламизации. Обращение коренных народов Западной Сибири в Православие имело решающее значение для формирования единого геополитического пространства Русского государства. Противодействие распространению радикальных форм ислама в современный период также является важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности.

Однако противостояние исламской экспансии на южном направлении было не единственным геополитическим рубежом в рассматриваемый период истории. Освоение Сибири в южном направлении являлось в некотором отношении вторичным и дополнительным по отношению к более раннему северному направлению. Освоение арктических территорий начинается еще со времен Великого Новгорода.

С XVI в., с проложенного поморами пути по ямальскому волоку, начинается освоение Обской губы. В этот период использование более южных путей для освоения Зауралья было осложнено присутствием на данной территории Сибирского ханства. Поэтому к началу XVII в. крупнейшим торговым и административным центром становится заполярный город Мангазея, расположенный на реке Таз. В лучшие годы в Мангазее собиралось до двух тысяч купцов. В городе действовали три православных храма. Освоение севера Сибири открывало большие перспективы для Российского государства [4]. Однако в контексте темы настоящего исследования более интересной представляется не история расцвета Мангазеи, а обстоятельства ее исчезновения.

С середины XVI в. англичане рассматривали возможность создания нового пути на восток через российские земли. Известно, что в 1612 г. они планировали захват русского севера и создание там колоний. Эффективная защита Мангазеи не представлялась возможной, поэтому в 1620 г. плавание через ямальский волок было запрещено под угрозой смертной казни. В 1672 г. указом царя Алексея Михайловича город был официально упразднен и оставлен жителями в 1677 г. [5].

Российское правительство сознавало опасность европейской экспансии в Арктике. Захват англичанами или голландцами Русского Севера и переход к ним монополии на сбор пушнины в переводе на современный язык, означал для России утрату контроля за нефтегазовыми месторождениями Западной Сибири. Однако возможность иностранной экспансии была серьезно ограничена трудными климатическими условиями и необходимостью создания опорной инфраструктуры. Англичане успешно справлялись с этим на территории современной Канады, однако характерная для этого времени ограниченность ресурсов не позволяла действовать на Севере в двух разных направлениях. Поэтому было принято решение о демонтаже торгово-административной инфраструктуры северного пути с целью недопущения ее превращения в опорную базу иностранной колонизации.

Возникает закономерный вопрос о роли православных миссионеров в данных процессах. История православной миссии не сводится к деятельности отдельных личностей. Миссия принадлежит всей Церкви, глубоко укоренена в ее жизни и богословии. При утверждении в 1589 г. Московского Патриархата титул его предстоятеля включал упоминание о странах Севера. Возможно, что такое титулование возникает по образцу титулов патриархов Рима и Антиохии (соответственно Запада и Востока), как опыт контекстуализации титула Константинопольского (Вселенского) патриарха. Однако совершенно очевидно, что учреждение Московского Патриархата с соответствующим титулом предстоятеля определяет геополитический вектор развития Российского государства. В глазах Запада Россия выглядит как страна Востока, однако сама Россия осознавала себя прежде всего как держава Севера. А поскольку северные пределы Российского государства не были обустроены в церковно-административном отношении, представляя собой миссионерские территории, Московский Патриархат изначально мыслился как прежде всего миссионерский.

Впоследствии православные миссионеры приложили огромные усилия для приобщению народов Крайнего Севера к православной вере, достигнув значительных успехов. В советский период эта деятельность была приостановлена. Ее возрождение связано с работой созданного в 1995 г. Синодального миссионерского отдела. По инициативе его председателя, митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна, в районах Крайнего Севера создаются миссионерские станы — центры духовного просвещения, в т. ч. коренных малочисленных народов [9, с. 384–386]. Однако, в отличие от дореволюционного периода, современные миссионеры проповедовали не только язычникам. С начала 90-х гг. XX в. северные регионы нашей страны становятся также объектом экспансии иностранных миссионеров, деятельность которых несла угрозу национальной безопасности России.

Само по себе изменение конфессиональной карты России является значимым фактором нестабильности. Проблема оказалась значительно глубже. Проповедуя среди коренных малочисленных народов Крайнего Севера, многие протестантские и неопротестантские миссионеры занимаются разжиганием межнациональной и межрелигиозной розни. Зачастую их деятельность не ограничивается проповедью собственного вероучения, включая в себя призывы к освобождению от русского «колониального» владычества, возвращению земель, сепаратизму и экстремизму. Среди этих миссионеров встречаются граждане США, Канады и Украины. Возникает обоснованное предположение, что такого рода «миссия» является составной частью более широких геополитических планов по переделу сфер влияния в Арктике. Возможно, и сами иностранные миссионеры сознают небезупречность своих позиций. Этим можно объяснить их стремление действовать за рамками российского законодательства о свободе совести. Используя соответствующую технику, иностранные миссионеры проникают через тундру на территорию Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов, не регистрируя при этом религиозные организации и группы в соответствии с законодательством РФ.

Защита геополитических интересов России на Крайнем Севере невозможна без поддержки миссионерского служения Русской Православной Церкви в данном регионе. Опыт создания миссионерских станций показывает эффективность этой работы не только в плане духовно просвещения народов, но и в отношении обеспечения духовной безопасности как важной составляющей геополитики.

Миссионерское служение Русской Православной Церкви и векторы российской геополитики не только совпадают, как в своем историческом развитии, так и на современном этапе. Миссия является важной основой формирования геополитического пространства, и актуальность этого вывода на современном этапе лишь возрастает.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Р. Неизвестное Бородино: Молодинская битва 1572 года. — М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. — 251 с.
2. Андреев А. Р. История Крыма. — М.: Белый волк, 2002. — 276 с.
3. Атаман Ермак Тимофеевич, покоритель Сибирского царства. — М., 1905. — 116 с.
4. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. — Л.: Гидрометеиздат, 1980. — 164 с.
5. Белов М. И. Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI — XVII вв. Ч. 2. — М.: Наука, 1981. — 147 с.
6. Буганов В. И. Документы о сражении при Молодях в 1572 году // Исторический архив, 1959. — № 4. — С. 177–178.
7. Буганов В. И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // Археографический ежегодник за 1961 год. — М., 1962. — С. 259–275.
8. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. — 688 с.

9. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (принята Священным Синодом Русской Православной Церкви 27 марта 2007 г., журнал № 12) // Собрание документов Русской Православной Церкви. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. — Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. — С. 368–394.

10. «Пастырь Ермы», Видение II, 4 / пер. П. Преображенского // Писания мужей апостольских. — Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. — 672 с.

11. Похлёбкин В. В. Сибирское ханство. Отношения между Сибирским ханством и Русским государством (1555–1598 гг.) // Татары и Русь. — М.: Международные отношения, 2000. — С. 149–160.

12. Скрынников Р. Г. Ермак. — М.: Молодая Гвардия, 2008. — 256 с.

13. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. — Новосибирск: Наука, 1986. — 290 с.